

2017 Том 10 No. 56

Марцинковская Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии

МАРЦИНКОВСКАЯ Т.Д. ПСИХОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОКСЮМОРОН ИЛИ НОВЫЙ ТРЕНД ПСИХОЛОГИИ

English version: [Martsinkovskaya T.D. Psychology of everyday life: an oxymoron or a new trend in psychology](#)

Институт психологии им. Л.С.Выготского, Москва, Россия

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

Федеральный институт развития образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются концепции и истоки появления психологии повседневности. Доказывается необходимость осознания и структурирования ее предмета и области исследования в рамках психологической науки. Анализируется парадоксальность и противоречивость термина «психология повседневности», связанная с ее слитностью с разнообразными контекстами психологии современности, вне которых сложно представить ее самостоятельный предмет. Парадоксальным с точки зрения психологии является и тот факт, что общепринятым до настоящего времени считается минимизация индивидуальности и личностной активности в повседневности, а также важность для психологических исследований критических и отклоняющихся вариантов развития, а не повседневного поведения. Вводится понятие жидкой транзитивности и показывается роль повседневности в осознании картины мира и своего места в ней в ситуации кризиса (социального и личностного) и небольших, но постоянных изменений норм, ценностей и эталонов окружающего мира. В ситуациях кардинальных трансформаций (например, в начале XX и XXI веков) люди задумываются о смысле жизни и своем бытии, а не быте. Кроме того, для большой группы людей именно ощущение кризиса придавало полноту жизни и наполняло ее смыслом, а потому для большой группы художников и ученых повседневность не представляла интереса для изучения, важнее было осознать, как преодолеть ее давление. В ситуации жидкой транзитивности психологически повседневность может рассматриваться как своеобразная стратегия совладания с ситуацией множественности и изменчивости контекстов. Это во многом и является причиной актуализации интереса к этой области психологии. Не менее важно и то, что повседневность дает возможность восстановить жизненную повседневную идентичность и целостность жизненного пути. Повседневность также дает возможность построения личной повседневности, отгороженной барьером от общего хаоса окружающего. Показывается роль эстетической парадигмы и культурного капитала в индивидуализации повседневности и становлении индивидуальной повседневности, отражающей личностные характеристики людей.

Ключевые слова: психология повседневности, жидкая транзитивность, индивидуальный стиль жизни, эстетическая парадигма повседневности, культурный капитал

Повседневность начинается на улице,
а кончается в бесконечности.

Е.М.Богат

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
М.Ю.Лермонтов

Психология повседневности: история вопроса

Проблема повседневной жизни людей для гуманитарной науки не нова. Еще в середине прошлого века И.Гофман [Гофман, 2000], Э.Томэ [Thomae, 2017], М. де Серто [де Серто, 2013] и другие ученые в той или иной мере рассматривали повседневную жизнь людей в контексте собственных концепций. В отечественной психологии тема повседневности была впервые поставлена Л.И.Анцыферовой в ее работе «Психология повседневности: жизненный мир личности и "техники" ее бытия» [Анцыферова, 1993].

Вкратце можно сказать, что повседневная жизнь рассматривалась с разных позиций, от способа обустроить быт, читать, гулять, одеваться и питаться до вариантов игры с телом, городом, работой, другими людьми [Вахштайн, 2015]. Но при этом в той или иной мере авторы подразумевали, что повседневность, если ее рассматривать как фрейм, направлена на минимизирование собственной индивидуальности, сохранение привычек и традиций других, обычно старших поколений, общего уклада. Поэтому, как подчеркивали многие авторы, необходима определенная борьба с рутинной повседневности, со старыми стереотипами и заблуждениями, мешающими принятию нового. К этому положению мы еще вернемся, здесь хотелось бы подчеркнуть важную для дальнейших рассуждений мысль о том, что из такого понимания повседневности вытекает важность обустройства собственной повседневности, которая, фактически, уже становится собственным стилем жизни (А.Адлер). Таким образом, очевидно первое противоречие, так как психология повседневности явно или неявно становится антагонистом психологии индивидуальности.

Все исследования, посвященные разным областям повседневности, крайне важны для структурирования предметной области психологии повседневности как самостоятельного направления психологической науки. В современной ситуации транзитивности множественность контекстов подразумевает, безусловно, и множественность подходов к анализу повседневной жизни людей. И в этом плане проблема целостности идентичности и сохранения индивидуального стиля жизни на протяжении всего жизненного пути, особенно в поздние годы, становится все более актуальной и значимой и для человека, и для общества.

Изменчивость и неопределенность социальных контекстов ставят перед человеком задачу совладания с трудной жизненной ситуацией современной повседневной жизни, и здесь область психологии повседневности тесно соприкасается с проблемой жизнестойкости, копинг-стратегиями, ценностными ориентациями. Кардинальное изменение жизненных контекстов в ситуации глобализации делает вопрос сохранения привычного повседневного уклада одним из центральных для позитивной социализации. И здесь психология повседневности соединяется с вопросами лингвистической и стигматизированной идентичности, культуры и толерантности.

Такая слитность повседневной жизни с разными психологическими проблемами нашего существования в мире, выживания и самореализации в нем становится еще одной причиной парадоксальности выделения повседневности из общего потока исследований жизни людей. Усиливает эту парадоксальность и тот факт, что психология всегда рассматривала наиболее выпуклые, значимые проблемы, а не обычную, повседневную жизнь, в которой мало что отражается интересного для психологического анализа. Поэтому, видимо, со времен З.Фрейда более актуальной была тема психопатологии обыденной жизни, в которой, как в капле воды, отражались и проблемы повседневного существования.

Однако в последние годы исследования, посвященные разным аспектам повседневности, стали появляться с завидной регулярностью. Это ставит вопрос об определении предмета именно психологии повседневности и, что не менее важно, вопросы о том, почему эти работы стали появляться именно сейчас и что нового может дать психология повседневности психологической науке в целом.

Психология транзитивности и психология повседневности

Итак, первый вопрос: почему же именно сейчас идет обращение к проблеме повседневности в психологической науке?

Казалось бы, обращение к повседневности более органично в периоды резких сломов, активного переструктурирования уклада жизни. Но такой резкий слом (например, в 1920-е годы в России) в большей степени, что естественно, заставляет обращаться к вопросам бытия, самореализации в этой жизни. Идея о том, что существует конфликт не только между личностью и обществом, но и внутри самой личности, следствием которого являются неврозы, актуализировался в науке именно на рубеже XIX–XX веков. Тема духовного (и психического) распада личности, кризиса цивилизации стала в то время одной из ведущих не только для философов, но и психологов, и художников.

Ведь кардинальные сломы ставят под вопрос не столько быт, сколько бытие, само существование людей в мире. Отсюда, видимо, и закономерное наблюдение о том, что социальные кризисы связываются с кризисами личности, с вопросами о том, как мне выжить, в чем смысл этого существования. В годы разлома, как, например, в Европе после Первой мировой войны, актуальным становится вопрос о том, будет ли у меня кусок хлеба, крыша над головой и любая одежда в мороз. Тут не до рассуждений о том, какую еду я предпочитаю, где я люблю жить, проводить досуг и как одеваться.

Поэтому в начале XX века, как и в начале века XXI, даже люди, не склонные к рефлексии, начинают задумываться о смысле жизни и своем бытии, а не быте.

Еще одним фактом, который делает психологию повседневности в некоторой степени маргинальной областью, является то, что для большой группы людей именно ситуация «Есть упоение в бою, И бездны мрачной на краю» [Пушкин, 1950, с. 394] рассматривалась как оптимальная для психологического анализа. Повседневность обыкновенной жизни не вызывала интереса именно с точки зрения психологической, личностной, духовной составляющей. Необходимо отметить и тот факт, что для интеллектуалов в Европе и в России такая трансцендентная ситуация всегда была притягательной, недаром, как отмечалось выше, многие ученые и художники призывали и в стабильные периоды к борьбе с рутинной и повседневностью. Возможно, подсознательно именно понимание психологии бытия, а не быта рассматривалось как залог бессмертия («Все, все, что гибелью грозит, Для сердца смертного таит Незыблемы наслажденья, Бессмертья, может быть, залог») [Пушкин, 1950, с. 394]. Поэтому для психологии изучение таких ситуаций было более притягательным. Если считать, что в стабильные периоды искусство кристаллизует переживания [Марцинковская, 2016], то эти стихи доказывают ясно, что переживания не повседневности, но кризиса всегда были актуальны для большой группы художников и ученых.

В то же время понятны психологические (не идеологические) истоки борьбы с бытом. Ведь еще исследования ученых XIX века доказали, что именно укорененность в определенном укладе, внутренние образы повседневности нельзя искоренить и изменить так же быстро, как и социум. Недаром, видимо, поэтому в 1920-е годы борьба за нового человека началась именно с быта. Наши педологи и психологи говорили о возможности быстрого формирования нового человека, строителя нового общества. А идеологи писали о том, что нужно бороться с сервизами, коврами, елками и т.д., то есть с привычным укладом...

Этот призыв тем быстрее стал популярным, что в среде интеллигенции быт всегда олицетворялся с мещанством. Поэтому повседневность, с их точки зрения, всегда противоположна творчеству. Быт же, по их мнению, еще и лишает человека индивидуальности. И с этим тезисом как раз и можно будет поспорить.

Но сначала вернемся к вопросу о том, почему же сегодня именно в психологии интерес к повседневности стал все более отчетливо проявляться.

Транзитивность: буря и натиск или покой и воля

С моей точки зрения, такой поворот связан с психологической сущностью транзитивного общества, точнее, с двумя его параметрами – изменчивость и множественность. Здесь важно понять, что сегодня можно говорить о жидкой транзитивности, для которой характерно текучее, медленное, но постоянное изменение многих аспектов повседневного уклада – от способов общения до еды, от возможностей передвижения по миру до одежды и интерьера.

Таким образом, можно констатировать, что период кардинальных трансформаций 1990-х годов сменился периодом текучих и медленных изменений. В результате трансформации становятся менее кардинальными, но остаются такими же неотвратимыми, как и 20 лет назад. В ситуации кардинальных изменений, как уже говорилось выше, кратковременное ощущение бури и упоения в бою может даже усилить психологическую устойчивость людей и импонировать как любое желание нового. Но постоянное изменение приводит к актуализации стремления к покою, стабильности. Поэтому можно говорить о том, что люди устали от неопределенности, транзитивности, хотят спрятаться от нее в повседневности, в обычной жизни, найти устойчивость в том, что нравилось или не нравилось раньше. Таким образом, психологически повседневность может рассматриваться как своеобразная стратегия совладания с ситуацией транзитивности. Интерес к повседневности может в данном аспекте рассматриваться по аналогии со стремлением идентифицироваться с семьей, с любой малой группой, в которой комфортно человеку независимо от возраста.

Полученные в наших исследованиях материалы [Марцинковская, Юрченко, 2016] показали, что ситуация транзитивности может рассматриваться для большинства людей как сложная жизненная ситуация, которая требует включения различных копинг-стратегий. При этом в стабильной ситуации стратегии совладания связаны с эмотивностью, локусом контроля, интенциональностью, а в транзитивной ситуации выбор стратегий совладания зависит от соотношения персональной и социокультурной идентичности, от толерантности к неопределенности, то есть многие люди не осознают глобальность появления мультикультурного пространства и не готовы к жизни в новой ситуации. Тревожность, связанная с расплывчатыми представлениями о будущем, неуверенность в возможности построить свою жизнь в соответствии с ожиданиями, пессимизм существенно снижают толерантность к неопределенности и, соответственно, увеличивают стремление к стабильности, к повседневности, в которой неопределенность минимизируется привычными моделями жизни.

Вторым фактором, актуализирующим интерес к повседневности, является то, что она дает возможность восстановить целостность жизненного пути и идентичности. Однако и в этом случае текучая транзитивность меняет мотивацию и интересы людей. Например, по сравнению с периодом конца прошлого века, можно отметить смещение интереса к истории в ее более частном, камерном варианте. То есть это не интерес к хроникам, истории страны в целом, как в 1990-е годы, когда люди зачитывались работами В.О.Ключевского, С.М.Соловьева, Н.М.Карамзина. Теперь людям интересен быт прошлого, мода, привычки, одежда. Поэтому большой популярностью пользуются различные мемуары, описания уклада разных слоев общества в XVIII–XX веках, в советский период середины прошлого века. Представляется, что в данном случае мы можем констатировать стремление восстановить некоторую жизненную повседневную идентичность – не я был и буду – но я видел, носил, ел, смотрел... Мои родители, дедушки и бабушки тоже это видели, носили, смотрели. Отсюда и явно наблюдающаяся у многих, даже молодых людей ностальгия по прошлому, советскому времени и идеализация очень, в реальности, некомфортного быта и повседневности того времени.

Третьим моментом является то, что повседневность дает возможность построения некоторой защитной личностной области, личной повседневности, отгороженной барьером от общего хаоса окружающего. Ведь повседневность даже близких людей в значительной мере различается и по распорядку дня (не укладу, который у членов одной семьи схож), и по пристрастиям в еде, одежде, досугу. И здесь важно подчеркнуть, что такое отношение к повседневности уже само по себе индивидуально, и это показывает нелогичность противопоставления повседневности и индивидуальности, что раскрывается в анализе внутренней формы психологического хронотопа [Марцинковская, 2017].

Внутренняя форма психологического хронотопа отражает степень гармонии / дисгармонии его разных частей и, таким образом, является собственно психологической сущностью его. То есть внутреннюю форму психологического хронотопа можно представить как субъективный образ (или

цепочку образов) развития человека в пространстве и времени. Эти образы, несущие эмоциональный отпечаток места и времени, сами по себе могут быть связаны с потерями и страхами, но главное свойство этих хронотопов в том, что они будят фантазию, заставляют работать ум и сердце и, таким образом, помогают творчеству. Эмоциональные озарения, связанные с определенными «местами времени», рассматривались психологами как реперные точки жизни, запускающие процессы активной деятельности, саморазвития, творчества. Но ведь эти образы – одновременно образы и бытия, и быта, повседневности.

По-видимому, продолжая эту линию анализа, можно говорить о том, что психологический хронотоп из повседневного отношения к вещам конструирует индивидуальное отношение, то есть объективное пространство-время переходит в субъективное. Такие субъективные образы обыденной жизни не просто помогают человеку пробудиться от рутины повседневности, они эту повседневность не разрушают, а индивидуализируют. И здесь, конечно, нельзя не вспомнить об эстетической парадигме в психологии.

Эстетическая парадигма повседневности

Важная роль эстетической парадигмы для психологии связана с тем, что она дает возможность разработки подхода, при котором психическая жизнь человека вводится в русло культурной детерминации. Культура становится не внешним фактором, она может менять натуральный путь психического развития, делая его неопределенным и опосредованным. При этом в стабильной ситуации роль культуры проявляется, прежде всего, в кристаллизации основных переживаний эпохи. Поэтому с точки зрения психологии повседневности эстетическая парадигма помогает отразить содержание ценностей, эталонов, эмоционального состояния общества и кристаллизовать переживания изменений этих эталонов в произведениях искусства. Это особенно важно в ситуации транзитивности, когда культура становится важным прогностическим фактором, помогающим структурированию будущего.

В ситуации «жидкой транзитивности» эстетическая парадигма раскрывает и стабильное, не изменяющееся содержание эталонов повседневной жизни, ее уклада в конкретных социальных и этнических группах, и фиксирует и проясняет изменения, которые постоянно происходят в повседневности, но еще не всегда отчетливо рефлексированы людьми. И в этом как раз и проявляется прогностическая роль эстетической парадигмы.

Можно увидеть, что интерес к быту, повседневности характерен для искусства, когда идет обустройство новой жизни, когда общество после кардинальных перемен оборачивается к человеку. Именно в это время появились и получили большую общественную поддержку и пробудили интерес к живописи передвижники.

Сходный процесс можно отметить и в литературе и живописи XVI–XVII веков. Взрыв пассионарности, осознание ценности личностной активности и свободы, стремление к коренной перестройке быта происходили в XV–XVI веках в Италии, Англии, чуть позже в Голландии, Германии. В это время появляются пьесы В.Шекспира, в которых, в отличие от одномерных характеристик средневековых героев, появляется многозначность характеров, описание сложных эмоциональных и нравственных взаимодействий и взаимоотношений людей. Такой подход привел к возможности психологического прочтения литературного произведения. Точно так же изменяется и живопись, что описано, например, в работах А.Г.Габричевского [Габричевский, 2002], посвященных Я.Тинторетто и А.Мантеньи. Если у Тинторетто пространство расширяется в динамике времени, то у Мантеньи оно замыкается в плоскости бытия, приобретая одномерность, как характеры рыцарского романа. Можно также говорить о том, что введение времени в пространство картины у Я.Тинторетто или Дж.Беллини раскрывает интенцию на становление Я, личности, вырывающейся из одномерности догматов и установок одномерного средневекового бытия. Точно так же и герои Шекспира строят собственный мир по собственным законам, иногда разрушая не только старые догмы, но и окружающий мир и даже себя.

Но уже к концу XVI века и в живописи, и в литературе появляется все больше произведений, в которых с любовью описываются и изображаются повседневные миры людей. Например, в Голландии

после бытийных кризисов, связанных с обретением национальной идентичности и суверенитета, начинается переход от картин на религиозные темы к картинам, обращающимся к повседневной жизни. В отличие от Питера Брейгеля старшего, Питер Брейгель младший писал и картины, изображающие деревенский быт, свадьбы, катание на коньках. Ян Вермеер в своих гениальных полотнах показывал обычных людей в их обычной, повседневной жизни. Но, пожалуй, ярче всего любованию повседневным бытом проявилось в знаменитых голландских натюрмортах, где раскрывались разные стороны повседневной жизни – еда, цветы и фрукты, профессиональные атрибуты. В это же время появляются и романы и пьесы, в которых показывается повседневная жизнь обыкновенных людей, например пьесы К.Гольдони.

Сходный процесс можно было наблюдать и в России в середине XIX века с появлением реалистического искусства, отражающего разные лики повседневности в живописи, литературе, музыке. И, напротив, ожидание бури и стремление к переменам уводило искусство от покоя и повседневности, например от передвижников к полотнам художников «Мира искусства», поэзии символистов. Расцвет такого искусства в начале XX века в России особенно неожидан, так как здесь всегда было распространено мнение о значимости именно просветительской роли искусства и важности содержания художественных произведений. Возможно, именно эта установка на социальную роль искусства и породила протест группы художественной элиты, поставившей во главу угла именно форму и полностью (или почти полностью) игнорировавшей содержание. Первым проявлением этой негативистической реакции стало появление группы «Мир искусства», вдохновляемой С.Дягилевым. Несколько раньше такая же реакция на застывшее искусство повседневности произошла во Франции с появлением импрессионистов. На самом деле в обоих случаях речь шла о реальной жизни окружающего мира, но понимаемой по-разному и, соответственно, различно отражаемой в произведениях искусства. Возможно, именно поэтому эти художественные направления также мало соотносятся друг с другом, как два разных пласта повседневности. Эта ортогональность взгляда на повседневность ярко проявилась, в частности, на выставке в Пушкинском музее в этом году, где рядом висели полотна импрессионистов и передвижников.

Но еще нагляднее кристаллизация переживаний, связанных с ностальгией по повседневной жизни, особенно, по ушедшему быту прошлого, видна в картинах российских художников, уехавших в 1920–1930-е годы за рубеж и существенно изменивших не только стиль и колорит, но даже тематику своего письма.

Стремление зафиксировать уходящее пространство и время отчетливо прослеживается в работах многих отечественных и зарубежных художников, которые рисовали старые здания, улицы, лица людей. Эти картины ясно свидетельствуют о сложностях идентификации в новом социальном пространстве-времени, а их эмоциональная наполненность, разделяемая многими зрителями, доказывает наличие конфликта между личностным и социальным, нарушение гармонии повседневной жизни.

Возможно, такое стремление обособиться от не успевающего за предчувствиями художников времени, уйти в свое пространство приводило и приводят к тому, что создатели новых направлений объединяются, создавая аналог современных сетевых сообществ [Марцинковская, 2016].

Переход от сюжета к бессюжетности и обратно характерен и для музыкального театра. В прошлом веке наиболее распространенным жанром были так называемые драм-балеты, которые уступили место работам, в которых доминировала чистая форма. Этот переход происходил и в отечественном балетном театре, в работах Л.В.Якобсона и, особенно, в творчестве К.Я.Голейзовского. Именно Голейзовский, стремясь соединить синтетический подход А.Н.Скрябина и театральные приемы В.С.Мейерхольда, создал балеты, в которых новые формы наполнялись классическими эстетическими переживаниями, передавали постоянство и изменчивость этих переживаний в новом пространстве-времени. Но уже к началу нашего века в музыкальные спектакли опять вернулся сюжет, отражающий окружающую действительность с той или иной мерой обобщения и идеализации. Вернулось и стремление передать повседневность с высокой мерой точности, для чего в музыкальные спектакли вплетался текст, раскрывающий или уточняющий содержание. Видимо, речь здесь идет не о том, что авторы перестали доверять чисто изобразительному или пластическому языку, а о том, что эти языки

в большей степени направлены на абстрагирование от повседневности, которая лучше представлена в литературе.

Культурный капитал и повседневность

Говоря о том, как искусство отражает повседневность, нельзя обойти стороной вопрос о том, как оно индивидуализирует повседневность конкретных людей. И здесь необходимо сказать несколько слов о введенном П.Бурдье понятии «культурный капитал» [Bourdieu, Passeron, 1990].

Понятие «культурный капитал» было введено П.Бурдье по аналогии с его же понятием экономического капитала [Бурдье, 2002]. Культурный капитал, по его мнению, включает в себя престижные культурные ресурсы, культурные сигналы, посылаемые человеком окружающим, потребление определенных видов искусства, которое маркирует людей как представителей конкретной группы, компетентность и знакомство с доминирующими культурными кодами и практиками, например стилями речи, взаимодействия, модой. Бурдье предположил, что элита современных обществ воспроизводится не столько путем прямой передачи статусов старших поколений младшим, сколько через инвестиции в «культурный капитал» детей, который потом может быть легко конвертирован теми в экономический или политический капиталы.

В работах П.ДиМаджио [DiMaggio, Mohr, 1985] было показано, что знакомство с произведениями высокого искусства и активное участие в культурной жизни имеют сильные положительные корреляции с уровнем образования и карьерным ростом. При этом каждому культурному уровню соответствует определенный набор объектов потребления. Тем, кто остался ниже, он еще недоступен, а тем, кто поднялся выше, уже не интересен.

Продолжая эту линию анализа, можно говорить о том, что люди отличаются друг от друга тем, что одни ходят в консерваторию, другие в драматические театры, а третьи в кинотеатры. Кто-то обедает дома, а кто-то в кафе или ресторанах, люди читают разную литературу, следят или нет за модой, пьют кофе или чай и т.д. Поэтому можно утверждать, что культурный капитал тесно связан с повседневностью, это привычка ходить в определенные места, смотреть определенные вещи, общаться с определенным кругом людей. И именно это составляет основной сегмент повседневной жизни людей. Здесь нет борьбы с повседневностью, это привычки, гармонизирующие и обустроивающие жизнь, помогающие справиться с катаклизмами жидкой транзитивности, хотя, конечно, не спасающие от кризисов жесткой транзитивности.

Такой подход связан с разными уровнями детерминации психического развития [Марцинковская, 2015]. Если первый уровень, направленный на эмоциональное благополучие и поддержание психического здоровья, активизирует синергетический потенциал человека, связанный с общими закономерностями психической жизни, то второй уровень опосредован культурными и индивидуальными трансляторами, в данном случае с культурным капиталом повседневности. Этот вид детерминации направлен на осознание своей самобытности, уникальности и ценности для окружающих и задает индивидуальные траектории развития.

Таким образом, можно утверждать, что культурный капитал выстраивается в индивидуальную повседневность или происходит индивидуализация повседневности.

Заключение

Даже беглый анализ позволяет хотя бы частично ответить на вопрос о том, что может дать психология повседневности для других областей психологической науки.

Прежде всего, помочь осознать степень психологического комфорта / дискомфорта человека, анализируя степень погруженности в разные сферы повседневности. При этом различные аспекты повседневности могут рассматриваться как разные области психологического хронотопа, в том числе соотношение личностной и социокультурной идентичности и кристаллизация социальных и индивидуальных переживаний.

Анализ кристаллизованных переживаний человека или конкретной группы людей может стать одним из вариантов диагностики личности или социальной группы.

Содержание повседневности может помочь в понимании закономерностей становления как отдельного человека, так и большой группы людей, так как в повседневности органично соединяются и прошлое, и ростки нового, и проблемы, ведущие к фрустрации. То есть в повседневности присутствуют истоки и патологии, и личностного роста одновременно.

И, наконец, анализ психологии повседневности позволяет связать жизненный путь человека и общества, помогая не только лучше понять настоящее, но и частично провидеть будущее.

Литература

Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия. Психологический журнал, 1993, 14(2), 3–16.

Богат Е.М. Избранное. М.: Московский рабочий, 1986.

Бурдьё П. Формы капитала. Экономическая социология, 2002, 3(5), 60–74.

Вахштайн В.С. Дело о повседневности. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015.

Габричевский А.Г. Морфология искусства. М.: Аграф, 2002.

Гофман И. [Goffman E.] Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

де Серто М. [de Certeau M.] Изобретение повседневности. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.

Лермонтов М.Ю. Парус. Сочинения в 6 томах. М.: Академия наук СССР, 1957. Т. 2, с. 62.

Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности. Психологические исследования, 2015, 8(42), 1. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Марцинковская Т.Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме. Психологические исследования, 2017, 10(54), 1. <http://psystudy.ru>

Марцинковская Т.Д., Юрченко Н.И. Проблема совладания в транзитивном обществе. Психологические исследования, 2016, 9(49), 9. <http://psystudy.ru>

Пушкин А.С. Пир во время чумы. Полное собрание сочинений в 6 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 3.

Bourdieu P., Passeron J.-C. Reproduction in education, society and culture. London: Sage, 1990.

DiMaggio P., Mohr J. Cultural capital, educational attainment, and marital selection. American Journal of Sociology, 1985, 90(6), 1231–1257.

Thomae H. Aus Wikipedia, der freien Enzyklopädie, 2017. http://www.wikiwand.com/de/Hans_Thomae

Поступила в редакцию 5 октября 2017 г. Дата публикации: 27 декабря 2017 г.

Сведения об авторе

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, директор, Институт психологии им. Л.С.Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская площадь, д. 6, 125993 Москва, Россия; заведующая лабораторией психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия; главный научный сотрудник, Федеральный институт развития образования, ул. Черняховского, д. 9–1, 125319 Москва, Россия.

E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

ORCID ID: 0000-0003-2810-2554

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Марцинковская Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии. Психологические исследования, 2017, 10(56), 1. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Марцинковская Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56/1497-martsinkovskaya56.html>

[К началу страницы >>](#)